

Жиля Делеза (1925–1995). Так, в работе «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения»²⁷, написанной им в соавторстве со своим другом Феликсом Гваттари, Делез поэтизирует «прогулки шизофреника», тесно связывая дух того или иного времени с соответствующими психическими девиациями. Тем самым у Делеза инаковость объявляется не просто социально допустимой; она становится самодовлеющей и однозначно определяющей весь ход исторического процесса. Девиантный субъект оказывается не просто равным среди прочих, он становится лучшим и исключительным, и потому у него появляются наибольшие шансы быть, наконец, услышанным окружающими, выделившись из серой однородной толпы тривиальных «нормальностей».

Суммируем сказанное. Большое общество, интуитивно чувствуя свою «болезнь к смерти», подсознательно склонно поэтизировать любую девиантность, инвалидность и болезнь, видя в их носителях своеобразных первопроходцев, смело спускающихся в бездну *вперед* нас. Последнее дает западному обществу силы продолжать свое бессмысленное и безнадежное бытие-к-смерти, потому что кто-то, стоящий ближе к обрыву, имеет смелость жить, бесстрашно двигаясь вперед к той невидимой черте, за которой уже ничего не будет.

²⁷ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.

РЕЦЕНЗИИ

О. А. Балла-Геррман

Дом бытия всё ещё строится

Ситар Сергей. Архитектура внешнего мира: искусство проектирования и становление европейских физических представлений. М.: Новое издательство, 2013. 272 с.

Интеллектуальное предприятие архитектора, дизайнера и архитектурного критика Сергея Ситара — в отечественных теоретических ландшафтах вполне, кажется, одинокостоящее — наиболее близкое родство обнаруживает, пожалуй, с археологией знания, выстроенной в своё время Мишелем Фуко. Его исследование посвящено происхождению форм европейского восприятия мира. А кроме того, глубокому — как правило, неосознаваемому, но, пожалуй, тем сильнее действенному — родству разных культурных областей, происхождению их от общего корня, который не прекращает питать каждую из своих ветвей на протяжении всей их истории.

Ситар прослеживает тесную и взаимно формирующую связь между выстраиванием мира внешнего и выстраиванием мира внутреннего. Между чувственным восприятием и абстрактнейшим моделированием мира. Да, эта связь «работает» в обе стороны. Абстрактное миромоделирование — и физика, и сама математика — отвлечённое, казалось бы, некуда! — созрев, тоже, в свою очередь, определяет чувственность. Оно уже давно задаёт представления о том, какой должна быть та же архитектура — и как строительство отдельных зданий, и как планирование и формирование пространства. Но чувственное, внешнее («архитектура внешнего мира»), получается, — всё-таки существенно влиятельнее: хотя бы уже потому, что оно гораздо старше. Оно было уже тогда, когда абстрактного и рационального мышления ещё и в помине не было, — и много чему его научило. Оно воспитало себе воспитателя, ставшего притом довольно жёстким, требовательным и категоричным.

Кроме того, влияние чувственного на практики и принципы теоретизирования сильнее (чем обратное) уже потому, что оно куда менее осознано. Как правило, оно не замечается вообще.

Сергей Ситар в своей книге проделывает, таким образом, важнейшую работу по осознанию не(до)осознанного. (Классический уже для новоевропейской мысли тип внимания к досмысловым корням и стимулам смыслового, восходящий к таким ключевым фигурам, как Маркс, Ницше и Фрейд. В той же линии работал и Фуко, на родство с которым книги Ситара мы обратили внимание с самого начала.) Он также предпринимает усилия по возвращению абстрактной мысли к её чувственным истокам — понятным, однако, куда шире, чем телесная сенсорика: как чувство мира вообще, как его, переживаемая (и) в телесном опыте человека, цельность. От чего автор точно и категорически далёк, так это от материализма и редукционизма. Тут всё существенно тоньше. В состав тех оснований мысли, которые он ставит себе задачей прорефлектировать, непереманным компонентом входит и метафизическая восприимчивость. То, благодаря чему «сущностное родство с религией» способна сохранять не только философия, но и все области культуры вообще. И это, как вы понимаете, уже совсем не Фуко.

То, что он делает, — работа не просто философская (притом что она, несомненно, такова), но шире — общецивилизационного порядка. С её помощью автор надеется усмотреть пути к выходу из кризиса, потрясающего ныне действующую цивилизацию. Этот кризис, «на всю глубину пронизывающий доминирующую модель общественных отношений и систему представлений о мире», по мысли Ситара, настолько радикален, что должен быть назван «кризисом основоположений», «парадигматическим сдвигом», в ходе которого «все устоявшиеся взгляды в “обвальном” порядке теряют свою легитимность».

Автор, правда, признаёт, что в истории западного мира подобные обвальные ситуации случались уже неоднократно: одна из самых ранних (и, возможно, даже не первая!) «относится <...> к античному периоду», и то был «преемственно-критический переход от системы

Платона к системе Аристотеля». Эти обвалы — настолько в своеобразном порядке европейских вещей, что, добавлю, они уже вполне имеют право претендовать на звание своего рода (катастрофической) нормы европейского развития, его динамической константы.

Ведь катастрофизм катастрофизмом, а между тем подобные обвалы даже строятся, как обнаруживает Ситар, по одной и той же схеме (и то, что обвалы *строятся*, парадоксально лишь по видимости). Они происходят всякий раз «с повторением одного и того же базового цикла, распадающегося на два последовательных “такта” или две фазы — “восходящую” (негативно-дедуктивную и “нисходящую” (позитивно-индуктивную)». В первой фазе обрушиваются старые основания, во второй — изыскиваются или конструируются новые. То есть за каждым таким обвалом, в силу самой его логики, следует его преодоление, выход из него «к новому “конструктивному” этапу». По крайней мере до сих пор всегда бывало именно так. Есть ли надежда на то, что так будет и теперь?

Усилия по возвращению европейской мысли к её чувственным истокам более важны, что философия — «традиционно служившая источником и материнским лоном для подобного рода “концептуальных обновлений” — к настоящему моменту уже почти утратила ту опорную и координирующую роль в системе наук и практических знаний, которую она играла в античности или даже ещё в начале XIX века». Основным направлением развития европейского восприятия мира на протяжении едва ли не всей его обозримой истории и уж точно начиная с Возрождения было расслоение этого восприятия и отчуждение, таким образом, человека от мира, его окружающего. Та же философия — а прежде неё ещё богословие — в последние двести лет «всё сильнее обособлялась в качестве специальной академической дисциплины, которая извне воспринимается как сфера абстрактных интеллектуальных упражнений, интересных и понятных только ограниченному кругу адептов».

Оторвавшись от основополагающей цельности, философия оказалась обречена на инструментализацию. Её растащили на инструменты, не слишком задаваясь вопросами,

что вызвало некогда к жизни все эти приёмы и подходы, в чём их коренная оправданность. Да она уже и сама не слишком помнит.

«Многочисленные дисциплины — естественные, гуманитарные, технические, управленческие», — уже давно не стремящиеся поддерживать с философией постоянную связь, «в большинстве случаев активно используют когнитивные инструменты и теоретические абстракции, когда-то разработанные философами: логические формулы Аристотеля, систему координат Декарта, дифференциальное исчисление Лейбница, теорию стоимости Маркса, категорию “жизненного мира” Гуссерля». При этом «этические и метафизические основоположения соответствующих философских систем — то есть именно то, благодаря чему философия сохраняет сущностное родство с религией, — в прагматических дисциплинах, как слишком абстрактное и далёкое от практики умозрение. Таким образом, европейская культурная история на всём своём протяжении как бы непрерывно распадается на два слоя», на два «режима самореализации культуры»: «метафизический» и «прагматический». (Притом, надо полагать, основная часть принадлежащих к нашей культуре людей предпочитает обитать в «слое» прагматическом, а о метафизическом даже не задумывается. Это не может, думаю, не приводить к оскудению, истощению метафизического слоя, который практически не возделывается.) («Кризисные ситуации», соответственно, могут быть поняты «ещё и как моменты, когда расхождение между двумя режимами самореализации культуры, постепенно увеличиваясь, приближается к точке необратимого разрыва».) В этих «слоях», отмечает автор, даже режимы протекания времени разные: «только в “прагматическом” слое история может приобретать линейный однонаправленный характер, превращаясь в историю накопления “позитивных” знаний, опосредованных практическим применением».

Значит, надо — в поисках чего-то, способного играть эту насущную «опорную и координирующую роль», — спуститься к корням более глубоким, чем философская рефлексия. К корням, способным напомнить и философии, и прочим областям мысли и чувства об их изначальном единстве и

о том, как это единство устроено. Настраивать умственную оптику на непрерывность связей, соединяющих все уровни мироотношения вообще и мышления в частности. Закладывать (или проявлять?), таким образом, основу для нового синтеза.

Всё это — и прогрессирующее отчуждение человека от цельности бытия, и расслоение европейской культуры по мере развития, и всяческая губительность этого процесса — мысли сами по себе очень старые, не раз продуманные и не представляющие уже никакого открытия (скорее, они принадлежат к числу очевидностей нашего восприятия собственной интеллектуальной истории). Гораздо интереснее — пути, на которых Ситар предлагает искать выходы. Эти пути указывает нам, считает он, архитектура.

В связи с восторжествовавшим «распадом органической целостности мира и становлением европейского субъекта-наблюдателя» архитектура — «служившая прежде выражением укоренённости человека в определённом месте» и, более того, «символическим ключом к космосу, “собранному” в единой эстетической интуиции» — оказалась, считает Ситар, «в наиболее сложном положении». Ведь именно она, будучи пластически воплощённым мировосприятием, непосредственно проживаемым образом мира, веками выполняла, полагает автор, «роль связующего звена между различными аспектами и уровнями действительности». Теперь же она «всё в большей степени поддаётся импульсу, растягивающему и даже разрывающему культуру между “провалом в невидимоконкретное” и “бегством в невиданно-абстрактное” — между сверх-вовлечённостью и сверх-отстранённостью».

Поэтому надо перепродумать — в некотором смысле, переучредить, хотя бы теоретически, на уровне ясно понятой возможности — её в качестве такого связующего звена. Проследить все линии этой, осуществляемой ею, связи.

В свете этой задачи Ситар и показывает — последовательно, по эпохам, от Витрувия до наших дней, как европейская архитектурная практика, одна из изначальных человеческих практик, вырастила, начиная от самых истоков, европейское чувство мира, а вследствие того — и мышление о мире. Мышление вообще — в частности, философское и, в особенности, естественнонаучное — вплоть до высоко

абстрактных его уровней. Как она задала нам базовые метафоры мировосприятия, которые, при внимательном всматривании, видны во всех (!) философских концепциях строения Вселенной. Замечаете слово «строение»? Оно здесь не случайно. Как и слово с тем же значением «структура», которое на правах термина мы обнаружим в лексиконе практически всех наук — и далеко не только естественных, которыми занимается Ситар. Словарь наук гуманитарных немислим без него (и без своих глубоких архитектурных корней) ничуть не менее, и то, что книга Ситара лишена «гуманитарных» глав, объясняется, думаю, исключительно авторскими пристрастиями. Собственно, фигуры речи никогда не случайны. Это одна из крепчайших нитей, соединяющих нас с истоками культуры.

«Строительные» метафоры, что особенно важно, сохраняют свою действенность — несмотря на все трансформации, которые и мысль, и зодчество западных культур претерпели на протяжении всех прожитых ими эпох: от античности и по сию пору, — даже притом что, «судя по ряду признаков, новоевропейское мировоззрение пребывает в состоянии радикальной ломки, разрыва привычных связей и трансформации во что-то, пока только смутно угадывающееся». Они относятся к числу коренных черт мышления вообще. Человек (и вряд ли только европейский; но уж европейский-то несомненно) может быть понят как Человек Строящий, Homo Struens.

Потому именно архитектура, которую «постоянно расширяющиеся стилистические блуждания и колебания» XIX—XX веков увели далеко от её коренного культурного и, если угодно, антропологического смысла, могла бы, будучи должным образом продуманной, вернуть себе статус «эпистемологического якоря», «проясняюще-обобщающего медиатора общественных представлений». Могла бы собирать человека и укоренять его в бытии.

Тем более что Дом Бытия всё ещё строится. Он строится всегда.

СОДЕРЖАНИЕ

Секацкий А. К. (Санкт-Петербург) Экспозиция времени: театральный иллюзион.....	3
Конев В. А. Человеческое измерение времени	19
Разинов Ю. А. Время и опыт: эффекты замедления и ускорения.....	31
Балла-Гертман О. А. (Москва) О непроходящем. Изготовление прошлого	42
Голенков С. И. Memento mori, или Парадокс под именем «настоящее»	51
Муха О. Я. (Киев) Значение темпоральности в процессе реализации эстетической перцепции.....	64
Лишаев С. А. Игра руин (материалы к эстетической аналитике руины)	84
Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В. Памяти Адама Кадмона: жизнь за один день в зеркале сетевого видеонарратива	101
Богданова Н. М. Модусы времени в канве визуального текста: к вопросу о «чтении» фотографии	118
Сериков А. Е. Ложная память как перезапись реальности.....	131
Дёмин И. В. Историчность Dasein и проект «деструкции» истории метафизики в герменевтической феноменологии М. Хайдеггера.....	144
Филатов Т. В. Дух времени и его выражение в современной европейской философии	158
РЕЦЕНЗИИ	
Балла-Гертман О. А. Дом бытия всё ещё строится.....	171